

Андрей КРАВЧЕНКО

29 октября на Большой сцене Театра Российской армии состоится презентация первого компакт-диска народного артиста России Федора Чеханкова «Грустить не надо». На нем записаны любимые мелодии прошлых лет.

— Может, для какого-то эстрадного исполнителя, который выпускает много дисков, подобное не является особым фактом биографии, а для драматического артиста, пусть даже и поющего, это огромное событие. В мой компакт-диск вошли 18 песен, лучшее из того, что я спел за последние пятнадцать лет.

— Федор Яковлевич, что подвигло вас на компакт-диск?

— Мне бы и в голову никогда не пришло сделать это. Хотя я давно пою, но все же не настолько серьезно, чтобы выпускать компакт-диск, как большие певцы, которых знают, хотя и слушать, чьи диски раскупают. Но я также вижу диски и кассеты артистов, имена которых мне не известны, хотя я знаю почти всех, поскольку веду много концертов. Знаю верхний эшелон артистов — первую десятку, знаю вторую десятку, третью... И, видя фамилии, не входящие ни в какую десятку, понимаю, что они выпускают свои работы в надежде,

что кто-то это купит, в надежде, что кто-то их будет слушать и что это кому-то нужно. А тут мне мои приятели говорят: «Федя, собери все песни, которых ты спел очень много, выбери самое лучшее и выпусти компакт-диск». Но особым толчком явился компакт-диск, выпущенный композитором Георгием Петровичем Островским, с которым я сейчас много работаю. Основная масса публики знает его по песне группы «Дюна» «Наш Борьба бабник» — я записал две его песни, вошедшие в тот компакт-диск. Возникла мысль: в конце концов что же я сижу, когда материала для собственного диска у меня предостаточно, песен десять — двенадцать точно плюс пять песен, записанных специально для моей фирмы, которая решила помочь мне, мы сделали макет, подобрали фотографии...

— И множество материала наверняка еще ждет своего часа...

— Можно было меньше песен записать. Я записал восемнадцать, потому что никакой гарантии, что я еще выпущу свой компакт, нет. Хотя лиха беда начало, и уже сейчас хочется сделать очередную подобную работу. Иметь свой диск очень приятно. Это подарок себе и друзьям, а также своеобразная музыкальная визитная карточка.

— Судя по репертуару, это

также визитная карточка прошлого времени...

— Да, конечно. Хотя не только прошлого времени. Первые восемь — десять песен — из репертуаров прошлых лет: Изабелла Юрьева, Вадим Козин, Леонид Утесов, а также песни, написанные специально для меня. В частности — композитором Георгием Островским и поэтом Виктором Соколовым. Они же написали для меня песню «Московский фокстрот», которая не вошла в этот диск, но снят клип, — его в дни юбилея Москвы много показывали по первой программе телевидения, по 31-му каналу, по «ТВ-столица».

— Федор Яковлевич, исполнение песен прошлых лет — это, наверное, и свой взгляд на то время, своя, личная манера видения и пения?

— Моя манера — всегда моя манера, я ее специально не искал, в этой манере я пою всю свою жизнь, если то, что я делаю, можно назвать пением. Когда есть музыкальные и актерские качества, то можно все сделать, скажем так, удобоваримым. Я всегда критически отношусь к своим записям, прежде всего смотрю на то, что можно было бы сделать лучше, но в данном случае мне понравилось, как удалось записать такие вещи старого репертуара и старой эстрады как, например, «Весеннее танго» из репертуара Козина, песни Островского, написанные для меня: «Мы от женщин без ума», «Не надо горевать», «Дядя Моня» и «Мадлен»... Но на песню «Мадлен» надо делать клип с балетом. Это Париж начала века, канканы, должна быть настоящая хореография. Георгий Петрович очень хочет, чтобы я пел «Мадлен», но даже на презентации я не смогу ее исполнить, потому что она требует такой огромной отдачи, как, скажем, «Казанова» у Валеры Леонтьева. После этого надо, уйдя за кулисы, минут пятнадцать приходить в себя. А когда ты два с половиной часа фактически ведешь свою программу и поешь двенадцать песен, то выдавать каскадный номер, после которого надо вызывать «скорую помощь», чтобы тебя выносили на носилках и делали уколы, — я не могу.

— А чем вызвано ваше обращение к старому репертуару?

— Это воспоминания моего детства. Диск посвящается памяти моей мамы, которая была

Моек. ноября. — 1997. — 28 окт. — с. 15.

«Грустить не надо», —

говорит Федор Чеханков и приглашает всех на свой бенефис

очень популярной актрисой орловского театра, пела много песен из репертуара того времени. В послевоенное время телевидения еще не было, поэтому культурная жизнь небольших городов сосредоточивалась вокруг театра, где каждая премьера была событием. Моя мама была очень музыкальной, имея певческий драматический голос, пела веселый, мелодичный репертуар типа того, что исполняла Вера Кузьминична Васильева. Вообще все, что я сейчас делаю, на что хватает моей энергии, я внутренне посвящаю маме, память о ней меня поддерживает.

И вот еще что. Я совершенно не претендую на то, чтобы нарочно спеть по-другому, нежели пел, предположим, Вадим Козин. Или Леонид Утесов. Так, как пел Утесов, я не могу спеть, да и никто, думаю, не может. Или «Ну улыбнись, родная». Даже на юбилее Изабеллы Даниловны Юрьевой я пел этот фокстрот из ее репертуара, не надеясь удивить кого-то своим исполнением. Пел так, как пою я. Это очень красивый текст, заводная мелодия, то есть это то, что я люблю, поэтому я не ломаю себе голову над поиском отличительной манеры. Я ведь не могу спеть «Весеннее танго» так, как его пел Вадим Алексеевич Козин, потому что он обладал совершенно удивительным тембром. Я же пою эту песню несколько стилизованно, как мне кажется. Это стилизация под то время, под те манеры, как бы взгляд со стороны, нынешнее представление ушедшего времени. И я, человек сегодняшний, достаточно ироничный, представляю свое видение этой картины. Причем я не одинок в этом отношении. Например, Нани Брегвадзе не поет романсы так, как Тамара Церетели, она их исполняет немножко со стороны, и ее это очень спасает, потому что, когда многие поют в «чистом виде», откровенно, получается глупо: огромные тети стоят, заламывают руки и натужно завывают. Но стиль должен быть во всем. Все зависит от того, как это воспринимает публика.

— Федор Яковлевич, а почему вы вам не давать сольные концерты?

— Сольный концерт — это огромная ответственность. Я и сейчас-то волнуюсь, хотя презентация и не является сольным концертом в традиционном понимании. Но, во-первых, это

будет происходить на сцене моего родного театра. Мне предлагали зал «Россия», потому что как эстрадный исполнитель я родился именно на сцене «России», много концертов веду там, в этом зале у меня очень много друзей, которые мне помогли бы все организовать. Но все-таки я выбрал для презентации сцену родного театра.

— А кстати, каковы ваши нынешние театральные работы?

— Начался 67-й сезон. Я играю свои старые спектакли, несколько дней назад с Ларисой Голубкиной был в Смоленске, где мы играли последнюю свою премьеру — спектакль «Парочка комедиантов». А впереди большая и интересная работа с молодыми и очень талантливым режиссером Виктором Шамировым по роману Александра Манзони «Обрученные». Это огромный итальянский роман, вся Италия его знает, для итальянцев это такая же классика XIX века, как у нас «Мертвые души», «Война и мир». «Обрученные» — некая фреска итальянской жизни XVI века, север Италии, возле Милана, любовная история, невероятное злодейство, и я играю злодея, дворянина Дона Рикардо, который влюблен в чужую невесту и пытается забрать ее себе, влюбленные прячутся в аббатстве и так далее. У нас этот роман не очень-то известен, на сцене его никогда у нас не ставили. Хочется надеяться, что это получится интересно.

Виктор Шамиров — режиссер авангардного направления, один из любимых учеников Марка Анатольевича Захарова. В нашем театре Шамиров уже поставил спектакль «Дон Жуан», который идет только на Большой сцене: публики в зале нет, все зрители сидят непосредственно на сцене, сама сцена вращается, и тем самым создаются особые эффекты.

Есть поездки, предложения, в частности — записать новые песни.

— В заключение, пожалуйста, немного подробнее о предстоящей презентации.

— Я не хотел бы дублировать свой музыкальный бенефис 1993 года в «России». При моих контактах, при моей дружбе я мог бы собрать к себе половину звезд эстрады, и афиша была бы самая яркая и звонкая. Мог бы быть Гена Хазанов, с которым я дружу, Ира Аллегрова и так далее. Но мне

не хочется выезжать за счет чужих фамилий. Хотя гости будут и, если обратить внимание на афишу, практически все гости — женщины, те певицы, которые, будучи моими партнершами, довели меня, драматического музыкального артиста, до той кондиции, когда можно решиться профессионально выпустить компакт-диск. Обещали быть моя партнерша по телевидению Людмила Сенчина, которая специально приедет из Санкт-Петербурга, моя опереточная партнерша, примадонна Московского театра оперетты Лилия Амарфий, звезды старой эстрады, которых я слышал в детстве в моем родном городе Орле: Нина Дорда, Капитолина Лазаренко, Людмила Лядова. А также Саша Песков, но не со своими типичными пародиями, а с «блоком памяти», где он вспоминает Георга Отса, Майю Кристалинскую, Клавдию Шульженко и Анну Герман. То есть вечер будет включать в себя все то, что имеет отношение к этому моему компакт-диску «Грустить не надо».

Знаете, я никогда не забываю о том, что я артист драматический, и никакие диски и эстрадные афиши не вскружат мне голову и не заставят меня поверить, что я эстрадный исполнитель, я сыграю внутри предстоящего концерта одну сцену из спектакля «Ваша сестра пленница» с Аленой Покровской. Это очень сильная эмоциональная сцена.

Поскольку все будет происходить не в маленьком зальчике, где доверительная домашняя обстановка, а на большой сцене, которая предполагает зрелище, будет два балетных коллектива, солисты ансамбля «Сувенир», с которым я очень дружу. Ну и, надеюсь, будет много импровизации.

— Федор Яковлевич, название вашего диска...

— Грусть это такое состояние души, которое время от времени посещает тебя, и ничего с этим не сделаешь. Погрустить мило — это можно. Но когда это влияет на самоощущение, работоспособность, портит настроение окружающим... Тогда можно посидеть дома, включить хорошую музыку, заняться чем-то, сбывая с себя это состояние. Надо обязательно что-то делать — и грусть уйдет.